

зают, а внутрь лежащего праведне не мало...». Каламбурная природа этого сравнения подчеркивается далее подбором рифм:

А иные и знают,
да ухищрениям занимают,
и всем хотящим спастися запинают...
(стр. 373).

«Разумеешь ли кончину арапа онаго, иже по вселенной и всеа Русския державы летал, яко жюк мотылный из говна прилетел и паки в кал залетел, Паисей Александрийский епископ?» («Книга толкований и нравоучений», стр. 568); ср.: «Не мочно твоего плетения расковырять. Яко лапоть сковырял ты, да и цены потерял...» (стр. 605).

3

Острому сочетанию разных «родов глаголанья», разных видов литературной речи в стиле Аввакума содействовал диалог.

Диалогом вводятся в повествование новые формы экспрессии, разговорно-фамильярные слова и выражения, необычные для рассказа синтаксические приемы. Эмоциональное значение слов здесь получает объяснение в описании сопровождающих реплику движений. Например: «...выбежала жена его Неонила и ухватила меня под руку, а сама говорит: „поди-тко, государь наш батюшко, поди-тко, свет наш кормилец“» (стр. 12). Угодливость жеста связывается с обилием почтительно-ласкательных обращений: «государь наш батюшко, свет наш кормилец» и просительным значением частицы «-тко» при императиве.¹⁰ Но в своем ответе Аввакум разоблачает смысловую функцию этой экспрессии, открывая ее скрытые причины: «И я супротив того: „Чюдно! давеча был блядин сын, а топерва: батюшко! Болшо¹¹ у Христа-тово остра шелепуга-та: скоро повинился муж твой!“» (стр. 13).

Диалог соотношениями реплик и формами своего отношения к повествованию создает иногда своеобразную игру слов и смыслов: «...вывели меня ночью к спальному крылцу... чаял в реку посадят, ано от тайных дел шиш антихристов стоит, Дементей Башмаков, дожидается меня, учал мне говорить: „протопоп, велел тебе государь сказать — не бойся ты никоно, надейся на меня!“ И я ему поклоняюсь, а сам говорю: „челом, реку, бью на ево жалованье; какая он надежа мне? надежа моя Христос!“ Да и повели меня по мосту за реку; я идучи говорю: „не надейтесь на князи, на сыны человеческия, в них же несть спасения“...» (стр. 199). Так, Аввакум, путем подведения царских и своих слов под библейский текст, по-новому освещает тему своего диалога с «шишом антихристовым».

Но вообще реплики персонажей — лаконические, необычайно скорого темпа, ограничены не только повествовательным контекстом, но и определенными «характерологическими ситуациями».

Персонажи «Жития» обычно узнаются по репликам, как авторы по отрывкам их сочинений. Их отношение к вещам и событиям как бы запечатлено прочно в определенных формулах. И Аввакуму приходится лишь напоминать эти характеристические знаки образа. Например, вожди никоиан, «наши» (по иронической терминологии Аввакума) так «блюют» на отцов своих: «Глупы-де были и несмыслили наши русские святыя, неучо-

¹⁰ Аввакум в «Книге толкований и нравоучений» сам поясняет экспрессивный смысл этих обращений: «Дондеже ядят, и оне ево блажат: миленькой, кормилец наш...» (стр. 482).

¹¹ Северновеликорусское вводное слово означает «должно быть», «по-видимому».